

М. Б. СВЕРДЛОВ

ГЕНЕАЛОГИЯ В ИЗУЧЕНИИ КЛАССА ФЕОДАЛОВ НА РУСИ XI—XIII вв.

Изучение истории классов является одной из основных тем в исследовании феодальных общественных отношений. Юридические и нарративные источники позволяют достаточно отчетливо установить социально-экономическую систему эксплуатации непосредственных производителей, которая является характерной для феодальных производственных отношений. Эта система была основой формирования класса феодалов в Древней Руси. Письменные источники сообщают важные сведения о структуре класса феодалов, сложившейся в процессе общественного производства и в системе управления феодальным государством. Изучение этих вопросов неоднократно привлекало внимание дореволюционных и советских исследователей, которые сделали ряд важных наблюдений по истории господствующего класса в Древнерусском государстве.

Между тем современными методами изучения классов позволяют расширить наблюдения не только над структурой класса феодалов и определением его социально-экономической природы, но и над особенностями положения отдельных групп этого класса, связанными с социальной стратификацией и мобильностью в условиях феодального общества. Положительные результаты в изучении истории класса феодалов получены в исследованиях по генеалогии,¹ и следует согласиться с мнением М. Е. Бычковой, согласно которому «собранные и систематизированные генеалогические данные могут быть прочной основой для исследований, посвященных самым разнообразным вопросам истории формирования классов, земельной собственности, образования и становления государственного аппарата, общественно-политических идей».²

¹ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. М., 1976; Акевилов А. П. Очерк истории генеалогии в России. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977.

² Бычкова М. Е. Генеалогия. . . , с. 48.

Использование генеалогических материалов, относящихся к древнерусскому периоду до XIII в., вызывает значительные трудности прежде всего из-за малочисленности источниковых данных. При этом следует различать сведения о генеалогии князей и феодальной знати. Если о первых указаны достаточно для определения как состава княжеских фамилий, так и в большей части их генеалогических связей, то для феодальной знати данные отрывочны. Только в небольшом числе случаев можно установить генеалогии, поскольку летописцы в соответствии с общим средневековым подходом к историческому творчеству стремились больше сообщать о князьях, лишь попутно упоминая феодальную знать. Да и эти сведения содержат небольшую информацию, поскольку в редких случаях указывались родственные связи или отчества бояр и княжеских мужей.

Трудности генеалогического изучения древнерусской знати не остановили исследователей. Простейшим методом анализа генеалогических связей было выявление круга родственных лиц по летописным материалам. По такому пути пошел М. П. Погодин, который затронул эту тему в связи с определением наследственности званий древнерусских бояр и детских, и С. М. Соловьев при установлении состава княжеских дружин.³ Другим методом исследований генеалогии древнерусской знати было изучение родовых преданий, включенных в состав Повести временных лет,⁴ и генеалогических связей новгородских посадников.⁵ Таким образом, в дореволюционной и советской историографии был опыт изучения генеалогии древнерусской знати, который следует учитывать при решении данного вопроса.

Многочисленные работы были посвящены изучению генеалогии Юна Вышатича, о котором летописец записал в Повести временных лет под 1106 г.: «И се же лето преставися Юнъ, старецъ добрый, званъ летъ 30, в старости маститъ. . . От него же и днь многа слышеса слышанах, еже и писанах в летописехъи семь, от него же слышанах».⁶ Материалы, которые относились к Юну и его предкам, позволяли установить генеалогию на семи поколениях: Юн—Вышата—Островир—Константин—Добрый—Метина—Лют—Свенельд.

³ Погодин М. Исследования, замечания и летописи о русской истории, т. VII. М., 1856, с. 92—101; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1950, с. 369—370, 400—410, 525—527, 628—630.

⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Лихачев Д. С. Устное летописие и составе «Повести временных лет». — Истор. запiski, т. 17, 1945; Попов А. В. Родословия Метина Свенельдова. — Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974 (см. там же библиографию о преданиях, связанных со Свенельдом, Метиной, Лютым).

⁵ Григорович Н. В. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821; Прохоровский Д. П. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892; Пили В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

⁶ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (далее — ПВЛ, ч. I), с. 186.

Уязвимым местом ее было отождествление Люта Свенельдича и Метини.⁷ А. П. Пониз объяснил похищение Метини ошибкой плеча, который вместо «Свенельдъ, ть же отецъ мьсти сынъ» написал «. . . отецъ Мьстиница».⁸ Оставляя решение этого вопроса специальным исследованиям, отметим, что и при отсутствии реального Метини Свенельдича сообщаемые источниками генеалогии содержат важную информацию. Свенельд — знаменитый вождь Игоря, Ольги, Святослава и Ярополка — занимал видное положение в Древнерусском государстве середины — второй половины X в. В преданиях о нем сообщалось, что Игорь передал ему деревскую и уличскую дань, отроки Свенельда «наоделися суть оружьемъ и порты», так что им позавидовала дружина Игоря. Она побудила князя пойти собирать дань с древолян, и это привело к гибели Игоря.⁹ Свенельд — единственный из знатных мужей, упоминаемый по имени в русско-византийском договоре, заключенном Святославом в 972 г.¹⁰ В Новести временных лет под 975 г. рассказывается о Люте Свенельдиче, который выехал на лов под Киев. В лесу его встретил Олег Святославич «и захвати, убий, бо бо лова дея Олега», т. е. Лют парусил, вероятно, преимущественное право княжеской охоты или захватил в княжеский запovedный лес.¹¹ Свенельд развел прasadу Ярополка к младшему Олегу, и результате последний погиб.¹² По мнению А. А. Шахматова, первоначальный рассказ о гибели Игоря содержал указание на нарушение князем прав Свенельда на деревскую дань, в результате чего произошел столкновение дружины Игоря с дружиной Свенельда и древолянами, в этом столкновении князь был убит Метиславом Лютым, сыном Свенельда.¹³ Вполне вероятно, что недостаточная ясность преданий о Свенельде и возможности различной интерпретации текстов позволяют предложить и другие толкования. Однако в прямом смысле летописных сведений указывается, что Свенельд сохранял широкое положение в государстве при разных князьях на протяжении длительного времени, его сын также был знатным человеком.

Сохранение общественного положения при разных князьях можно проследить и в ряде других известий, относящихся к X —

⁷ См. полную сводку мнений: Пониз А. В. Родословная Метини Свенельдича, с. 64—81.

⁸ Там же, с. 86—91.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950 (далее — ПВЛ), с. 109, 110.

¹⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 52.

¹¹ В известии о княгине Ольге сообщается об устройстве ею мест княжеской охоты: «И ловища ей суть по всей земли, знамениты и места и пошость. . . и по Днепру перекопаны и по Десне» (ПВЛ, ч. 1, с. 43). Княжеские запovedные леса известны в Западной Европе и период раннего феодализма при Меровингах и Каролингах (С е р и в а й е в и й Я. Д. О путях формирования феодальной собственности на леса и пастбища во франкском государстве. — Средние века, сб. 32, 1969; сб. 33, 1971).

¹² ПВЛ, ч. 1, с. 53.

¹³ Шахматов А. А. Рассказанья. . . с. 357—365.

началу XI в. Если верно традиционное отождествление Блуда и Буды, то окажется, что Блуд был воеводой Ярополка, а после того как предал его в борьбе с Владимиром Святославичем стал кормильцем и воеводой его сына Ярослава.¹⁴ Больше сведений об отношениях с киевской династией на протяжении более ста лет потомков Добрыни, дяди по матери Владимира Святославича. Добрыня был новгородским посадником при Владимире.¹⁵ Его сын Константин был сделан посадником в Новгороде Ярославом Владимировичем,¹⁶ причем Константин Добрынич, согласно новгородским преданиям, не побоялся «рассечь» ладьи Ярослава, когда тот собирался бежать за море после поражения в борьбе со Святославом и Болеславом в 1018 г.¹⁷ Его преемником на должности новгородского посадника стал «близко» Вячеслава Ярославича Остромир, который еще в 1057 г. был новгородским посадником, как следует из приписки дьякона Григория к Остромирову евангелию.¹⁸ Появилось ли новгородское посадничество потомков Добрыни династически преемственным, неизвестно. Против такого мнения свидетельствуют указания источников о том, что между Добрыней и Константином, Константином и Остромиром в Новгороде были «сосажены» Вячеслав и Ярослав Владимировичи, Мзы и Владимир Ярославичи. Константина «посадил» в Новгороде Ярослав, а Остромира — Вячеслав.¹⁹ Поэтому нам представляется более верным мнение о тесной родственной и служивой связи потомков Добрыни с киевской княжеской династией, чем объяснение ответственное поручение новгородского посадничества. Но сами потомки Добрыни продолжали находиться в Киеве.²⁰ Этим можно объяснить назначение воеводой русского войска, отправленного в поход в 1043 г., Вяшаты Остромирича,²¹ а также то, что деятельность Вяшаты и Мза Вяшатича протекала в южнорусских землях, хотя еще в 1057 г. Остромир был посадником Новгорода. По неизвестной причине Вяшата бежал с Ростиславом Владимировичем в Тамтаракань в 1064 г. (возможно, тот добивался Новгородского княжения, которое, как указано в приписке к Остромирову евангелию, принадлежало Вячелаву, и Вяшата поддерживал Ростислава). Мз Вяшатич в 1071 г. служил черниговскому князю Святославу Ярославичу, собирая для него дань. В 1089 г. при Всеволоде Ярославиче он был киевским

¹⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 54, 55, 97.

¹⁵ ПВЛ, с. 121, 128.

¹⁶ ПВЛ, с. 161, 164.

¹⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 97.

¹⁸ Средневекий И. В. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2. СПб., 1882, столб. 22—23.

¹⁹ Итин В. Л. Новгородские посадники, с. 47—49.

²⁰ В этой связи следует отметить мнение В. Л. Итина (Новгородские посадники, с. 51), согласно которому князья, их родственники и лица не княжеского происхождения в равной степени были заместителями великого князя в Новгороде, исполняющими одни и те же функции.

²¹ ПВЛ, ч. 1, с. 103—104.

тысянским, а в 1093—1106 г. — мужем киевского князя Святослава Изяславича. Его брат Путята Вышатыч также служил в 1097—1113 гг. Святославу в Киеве и стал там, как и его брат, тысянским. Его двор был разграблен киевлянами во время восстания 1113 г.²² Таким образом, Добрыня и его потомки почти 150 лет служили великим киевским князьям. Из их семьи назначались посланники в Новгород, но они туда приезжали как южнорусские бояре (показательно, что Порей, спутник Ростислава и Вышатыч, после гибели князя оказался в Чернигове у Всеволода в 1078 г.²³). Менялись князья, но потомки Добрыни продолжали служить послами, тысянскими, дашницкими в Киеве или Чернигове. Они владели дворами в Киеве.

Высокое положение при русских князьях сохраняли и скандинавские конунги-наемники. Эймунд командовал варяжской дружиной у Ярослава, а когда он отъехал к полоцкому князю Всеволоду, то получил в управление Полоцк. Рогинальд, двоюродный брат по матери Ингигерд, жена Ярослава, получил в державу Ладогу. Когда Рогинальд умер, его наследником стал сын Эйлиф.²⁴

В Киево-Печерском патерике подробно рассказано о варяге Шимоне, который прибыл на Русь, спасаясь от преследований своего дяди Якуна. Как предположил Ф. А. Браун, Шимон был родом из Седерманланда в Швеции.²⁵ Он был в чести у Ярослава, который «дасть его сыном своему Всеволоду, да будет старей у него».²⁶ Как сообщается в патерике, в период триумфата Ярославичей Шимон был близок к братьям. Сын его Георгий Шимонич служил Владимиру Всеволодовичу Мономаху, т. е. той же княжеской ветви, и был послан позднее с Юрием Владимировичем в Суздальскую землю, а когда Юрий Долгорукий стал киевским князем в 1155 г., он «тысянскому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суздальскую».²⁷ Согласно предположению Б. А. Воронцова-Вельяминова, Шимон был отправлен в 1068 г. в Ростов с юным Владимиром Мономахом и остался там тысянским, а Георгий Шимонич унаследовал эту должность. Интересно наблюдение Воронцова-Вельяминова о том, что имя Шимон, чуждое русской антропонимике, отразилось в названиях четырех сел на территории Ростово-Суздальского княжества, что свидетельствует о землевладении Шимона.²⁸ Таким образом, Шимон и его

²² Там же, с. 117, 137, 144, 180, 181, 185, 196.

²³ Там же, с. 132.

²⁴ С в е р д л о в М. В. Скандинавы на Руси в XI в. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XIX. Таллин, 1974, с. 64—65.

²⁵ Б р а у н Ф. А. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана. — ИОРЯС, т. VII, кн. 4, 1902.

²⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 3.

²⁷ Там же, с. 3—5.

²⁸ В о р о н ц о в - В е л ь я м и н о в Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысянских. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 127—132.

сын служили более 100 лет одной княжеской ветви, причем можно установить, что в должности ростово-суздальских тысяцких они стали землевладельцами.

К сожалению, семейных преданий, подобных рассказам Яна Вышатича и Георгия Шимоновича, в древнерусских письменных памятниках больше нет. Поэтому методом установления генеалогических связей является использование в источниках степеней родства, а также соотношение имен и отчества. В последнем случае генеалогия определяется лишь при единстве времени и места действия лиц, чтобы уменьшить вероятность реконструкции ложных генеалогий. Значительные трудности при этом представляет распространенность некоторых христианских и языческих имен, вследствие чего генеалогические связи устанавливаются лишь при указании степеней родства. В случае их отсутствия они определяются соотношением редко используемых имен, но коррективом при этом является служба феодалов одной княжеской фамилии, в одном или территориально близких княжествах, и продолжение одного или нескольких поколений.

Для XI — начала XII в. можно установить несколько генеалогий бояр и княжих людей.

В рассказе Повести временных лет о киевском восстании 1068 г. назван двор Чудина, который находился на месте прежнего княжеского двора. Уже тогда Чудин занимал видное общественное положение, как можно заключить из местоположения его двора, хорошо известного читателям летописи, а также из упоминания Чудина среди избранных лиц, которые вместе с Изяславом, Святославом и Всеволодом отменяли крестную мечь. В 1072 г. и великое княжение Изяслава Ярославича Чудин «держал» Вышгород, т. е. был посадником этого киевского пригорода. Его брат Туки назван в рассказе о восстании 1068 г. среди приближенных мужей Изяслава. Таким образом, оба брата служили одному князю. Но после вторичного изгнания Изяслава в 1073 г. Туки остался в стоянском городе и принял сторону Всеволода. Он упомянут под 1078 г. в посылке Всеволода среди погибших на Сожице в битве против половцев, которых приехали на Русь Олег Святославич и Борис.²⁹ Чудин, вероятно, тоже остался в 1073 г. в Киеве, признав власть Святослава и Всеволода. Неизвестно, служил ли Чудин Святославу или его сын Иван Чудинович съехал к Олегу Святославичу, но и великое княжение Владимира Всеволодовича Иван Чудинович входил в «дружиину» последнего, т. е. назван вместе с крупными деятелями, киевским, белгородским и переяславским тысяцкими, хотя и отоваривалось, что Иванко Чудинович «Олегов муж» (ст. 53 Пространной Правды). Возможно, М. П. Погодин был прав, когда указывал Станислава Доброго Чудковича или Туко-

²⁹ ПВЛ, т. 1, с. 40, 114, 124, 132.

вича, упомянутого в Ипатьевской летописи под 1136 г., как мужа великого киевского князя Ярославка Владимировича, сына Мономаха. Близость во времени и служба одной княжеской ветви могут свидетельствовать в пользу этого предположения. Но продолжение М. П. Погодиным этой семьи в лице Станиславичей, которые служили разным князьям, противникам Мономаховичей (без указания в летописях степени родства), не является доказанным.³⁰ Таким образом, Чудин, Туки и их сыновья на протяжении 80 лет служили трем поколениям киевских князей. Братья Чудин и Туки или их отец были, вероятно, мужьями еще Ярослава. Они владели дворами в Киеве, а служба в Вынгороде или черниговскому князю не прерывала связи со старым городом, что позволяет предполагать в них киевских мужей-землеладельцев. Хотя, возможно, и вышедших, судя по имени Чудина, с Ярославом из Новгородца.

В качестве мужа великого князя Всеволода Ярославича известен Ратибор. В 1079 г. он был «посажен» посадником в Тмутаракани. В 1095 г. Ратибор находился в Переяславле, где княжил Владимир Мономах. У Ратибора была своя дружина, состоявшая из отроков. С ней Мономах советовался об уничтожении половецкого хана Итлара и его дружины. У Ратибора в Переяславле был большой, вероятно, двор с набой, где располагался Итларь с дружиной. В 1100 г. Ратибор упоминается как доверенное лицо Владимира Мономаха на съезде в Уветичах.³¹ Неудивительно поэтому, что Владимир Мономах, став киевским князем в 1113 г., назначил его киевским тысяцким и доверил участие в заседании «дружины» в Берестове в связи с принятием «Устава о резах» (ст. 53 Пространной Правды). Сын Ратибора Ольбег в 1095 г. был с отцом в Переяславле, другой сын Фома вместе с Вячеславом Владимировичем, вероятно по приказу Мономаха, в 1116 г. ходил на Дунай (согласно предположению В. Л. Янина, это могут быть два имени одного лица).³²

Сведения о связи Ратибора и его сыновей с одной княжеской ветвью позволяют предположить возможность существования земельных владений в южнорусских княжествах их сюзеренов, несмотря на значительные передвижения в должности посадников и тысяцких. Ратибор владел также дворами в городах, где он служил.

К XI в. относятся еще несколько знатных семей, которые прослеживаются и в XII в. Под 1096 г. воеводой новгородского князя Мстислава Владимировича назван Добрыня Рагуилович. Во время событий 1147 г. его сын Рагуиз Добрынич был уже киевским тысяцким. Вероятно, Добрыня Рагуилович и составе старшей дру-

³⁰ Погодин М. П. Исследования... с. 96.

³¹ ИВЛ, ч. 1, с. 132, 135, 148—150, 181, 183.

³² Янин В. Л. Акты печати Древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, с. 63 (см. там же о биографии Ратибора и его печатях); отметим, что Янин предполагает еще два киевских периода деятельности Ратибора: до 1079 г. и после тмутараканского посадничества (1079—1081) до смерти Всеволода в 1093 г.

жины Мстислава пришел в Киев из Новгород³³ а в его великое княжение вместе с сыном занял видное положение. Рагуил Добрынич продолжал служить детям Мстислава — киевским князьям Изяславу и Владимиру. Однако мужи, подобные Рагуилу, совмещали личную службу с интересами Киевского княжества. Когда в 1169 г. киевским князем стал Мстислав Изяславич, Владимир признал старейшинство своего племянника, но вскоре нарушил престолонаследие. Однако его «дружины», Рагуил Добрынич, Михаил и Завид отказались следовать за сюзереном: «О собо сеп, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали». И тогда Владимир возвел в боярский сан своих слуг — детеких.³⁴ В связи с последним известием можно отметить, что новгородские бояре на службе князьям в Киеве сохраняли свое высокое положение. Завид, судя по типично новгородскому имени, происходил из Новгорода. В 1122 г. Мстислав Владимирович женился на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидовича, который умер в 1118 г. В 1128 г. в великое княжение Мстислава посадником в Новгороде был назначен Завид Дмитриевич, свояк князя, который умер в том же году.³⁵ Вероятно, Завид, упоминаемый в 1169 г., был внуком племянником жена Мстислава Великого. Он был в это время уже потомственным киевским боярином.

В связи с падением традиционных имен в княжеских и боярских семьях (имя внука по деду) можно предположить существование знатной семьи потомков Ивана Тюримирича, послова Ярослава Мудрого, упомянутого под 1043 г., служившей киевским князьям на протяжении 130 лет. Под 1171 г. назван член «дружины» Мстислава Изяславича Иванко Тюримирич.³⁶ Таким образом, Тюримиричи служили в Киеве одной княжеской ветви — Ярославу, Изяславу, Всеволоду, Владимиру Мономаху, Мстиславу Великому, Изяславу, Мстиславу. Уезжали ли Тюримиричи из Киева со своими сюзеренами при перемене власти, сохраняли свои владения, или оставались в Киеве, присягнув новым господам, установить не удается.

О том, что князья на киевском столе менялись, а крупные бояре оставались в городе и служили новым сюзеренам, свидетельствуют данные о жизни Ивана Вонтишича на протяжении 30 лет. В 1116 г. он был послан Владимиром Мономахом на Дунай, где сжал по его поручению посадников. В 1128 г. он вместе с князьями возглавлял поход, предпринятый Мстиславом Владимировичем на половецких князей. Когда Мономаховичей в Киеве сменили Ольговичи, Иван Вонтишич стал им служить (упоминается под 1140 и 1146 гг.), причем при смене Ольговичей ничего в его высоком положении не изменилось. Как сказал Игорь Ольгович Улебу и Ивану Вонтишичу:

³³ Имя Рагуил продолжает встречаться в новгородской антропонимии (ИИЛ, с. 23, 45, 207, 239).

³⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 228, 340, 536.

³⁵ ИИЛ, с. 21—22.

³⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 142, 544.

«Какое оста была у брата моего (т. е. у Всеволода Ольговича, — М. С.), тако же будете и у мене». Однако именно эти бояре стали рукоподателями ангоры и пользы возвращении Мономаховичей, а когда пойску Изяслава Мстиславича и Мстислава Изяславича подошло к Киеву, они бежали к ним, «поверга стягы» своих полков.³⁷

Возможно, в третьем поколении к Ивану Жирославичу (убит в 1078 г.), мужу киевского князя Всеволода Ярославича, относится посол Святослана Ольговича Жирослав Иванович (упомянут под 1159 г.).³⁸ При этом потомки Ивана Жирославича разделили беспокойную судьбу черниговских князей Олега Святославича и его сына.

Ко второй половине XI в. принадлежат сведения, видимо, об отце и сыне Гордите и Станке Гордичиче. Первым указан как владеец двора, который находился на территории древнего, но представляемого людьми XI в., Киева. Вторым назван как спутник (или наставник) Владимира Мономаха, когда тот, вероятно в 1068 г., отправился княжить в Смоленск.³⁹ Оставался ли Гордичин двор во владении Станко и его родственников, вернулся ли Станко в Киев с Владимиром Момахом, неизвестно.

О независимости бояр по отношению к княжеской власти и сохранении ими высокого общественного положения свидетельствуют генеалогии бояр на Владимирско-Суздальском и Галицко-Волынском княжествах XII—XIII вв. Данные о боярах этих княжеств стали возможны в тот период в связи с появлением местного летописания.

Под 1172 и 1174 гг. указан в качестве воеводы Андрей Юрьевича Боголюбского Борис Жидиславич, который «вряд весь державке» и участвовал в руководстве военными предприятиями наряду с князьями. После убийства Андрея Борис Жидиславич поддерживал Ростиславичей против Юрьевичей в 1175 г., а в 1177 г. — рязанского князя Глеба против Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, пока не был взят в плен владимирским князем. Таким образом, Борис Жидиславич принадлежал, вероятно, к той части ростово-суздальского боярства, которая стремилась избрать на владимирский стол удобных ей князей. После стабилизации великокняжеской власти Михаил Борисович, видимо сын Бориса Жидиславича, служил Всеволоду Юрьевичу и был его «мужем»⁴⁰ (упоминается под 1204 и 1207 гг.). Наконец, при великом князе

³⁷ Там же, стлб. 284, 292, 307, 325, 326.

³⁸ Там же, стлб. 191, 497. — М. П. Погодин (Исследования. . . , с. 92—95) предполагал существование семейства потомков Ивана Жирославича на протяжении более 200 лет, однако при этом были опущены имена Жирослав и Жидислав, эти лица и их потомки находились в разных княжествах, поэтому устанавливаемая таким образом генеалогия основывалась на безусловно установившемся связях.

³⁹ ПВЛ, ч. I, с. 40, 158; ч. II, М.—Л., 1950, с. 440.

⁴⁰ Родственную связь Бориса Жидиславича и Михаила Борисовича предполагал С. М. Соловьев (История России. . . , с. 620).

Алекса́ндре Яросла́виче в 1252 г. во Владимире тысящюю предедержавцо Роману Михаиловичю и весь рид». ⁴¹ Таким образом, Борис Юрьевич и его потомки 80 лет служили династии Юрьевичей, занимая высшие должности и княжестве, но в период ее слабости активно выступали против нее.

В Галицко-Волынском княжестве среди бояр были активные противники сильной княжеской власти, как Судислав Великий (упоминается под 1209—1234 гг.), бояре, которые отъезжали от князей в период ослабления их власти, подобно Константину (Косилтину) Сергеевичу (упоминается под 1157—1173 гг.), ⁴² и преданные сюзерентам во все периоды подъема и упадка, как Демьян, галицкий боярин и тысяцкий (упоминается под 1208—1234 гг.). ⁴³

Преданно служил трем поколениям князей — Ростиславу Мстиславичу, Мстиславу Ростиславичу, Владимиру Мстиславичу, несмотря на их частые смены княжений (особенно Мстислава Ростиславича), боярин и военачальник Борис Захарьич (упоминается под 1168—1180 гг.), которому Мстислав Ростиславич «приказал» перед смертью малолетнего сына Владимира. ⁴⁴

Особые трудности представляет собой реконструкция генеалогий боярских фамилий в Новгороде из-за частой повторяемости христианских и языческих имен. ⁴⁵ Поэтому во избежание создания ложных генеалогий следует, вероятно, выделить те семьи, из которых набирались посадники. Этот подход уменьшит число приводимых боярских новгородских генеалогий, но зато они будут более достоверны вследствие указания в новгородском летоисчислении степеней родства. Обязательное изучение новгородских посадников в трудах Н. И. Григоровича, Д. И. Прозоровского и В. Л. Янина позволяет использовать для наших целей уже полученные результаты.

Для конца XI—XIII в. известны несколько боярских фамилий, из которых набирались посадники (указываются начальная дата правления первого из посадников и конечная дата правления или смерти последнего, перечислены и избраны членов этих семей или в правлении одного посадника не указываются, см. об этом в указанных работах Н. И. Григоровича, Д. И. Прозоровского и В. Л. Янина):

⁴¹ ИСРЛ, т. II, столб. 728, 731—732 и сл.

⁴² Там же, столб. 488, 501, 548, 564.

⁴³ Там же, столб. 725, 730, 738 и сл.

⁴⁴ Там же, столб. 534, 609, 624—623. — Многочисленные материалы о галицко-волынских боярах собраны В. Т. Пашуто (Очерки по истории Галицко-Волынской Русы. М., 1950).

⁴⁵ На трудности реконструкции генеалогии боярских фамилий может указать следующий пример семьи с редкими именами (указываются годы упоминаний в ИИЛ): Тимофей Андреевич (1315), Адриан (Андрей) Еленфериевич (1286, 1293), Еленферий Сбыславич (1256, 1267, 1269), но Сбыславичи в начале XIII в. известны несколько, так что при отсутствии указания степени родства дальнейшая реконструкция генеалогии невозможна.

1. Гюрята, Мирослав Гюрятинич, Якун Мирославич, Дмитрий (Дмитр) Якупович (1088—1215); 4 поколения, 127 лет.

2. Павел, ладожский посадник (?), Иван (Иванко) Павлович, Судило Иванкович (1116—1156); три поколения, 40 лет.

3. Захария, Иван (Иванко) Захарьявич, Юрий (Гюрди) Иванкович (1161—1261); три поколения, 55 лет.

4. Жирослав, его внук Семон Борисович (1169—1230); три поколения, 61 год.

5. Михаил (Михалко) Степанович, Твердислав Михалкович, Степан Твердиславич, Михаил (Михалко) Степанович (1176—1256); 4 поколения, 80 лет.

6. Мирошка Незданч, Дмитрий (Дмитр) Мирошкинич, Иван (Иванко) Дмитрович (1189—1229); 3 поколения, 40 лет.

7. Ананья Теофилактович (?), Павна Ананьич, Михаил Папичич, Захарий Михайлович, Андруш Захарьявич, Кирилл Андрушович (1243—1409); 6 поколений, 166 лет.

Наблюдения над семьями новгородских посадников показывают, что знатные фамилии на протяжении трех и более поколений могли удерживать руководящее положение в княжестве, при этом семейства Дмитрия Запидовича и Якуна Мирославича в первой половине XII в. породнились с князьями. Следует иметь в виду, что новгородские боярские фамилии существовали значительно дольше, и перечне указаны лишь годы посадничества некоторых их представителей, когда эти семьи оказывали большое влияние на управление княжеством. Поэтому годы посадничества не должны отождествляться с годами существования боярских династий.⁴⁶ Раскопки Новгорода позволяют установить характер боярских дворов как больших жилищно-хозяйственных комплексов.⁴⁷ Вместе с земельными владениями⁴⁸ они указывают на материальную основу социально-экономического господства бояр и преимущественности их высокого общественного положения (служба князю не имела в Новгороде такого значения, как в южнорусских княжествах).

Устанавливаемые генеалогии бояр и княжих мужей в разных княжествах Древней Руси позволяют сделать ряд важных наблюдений о социальной динамике в высшем слое класса феодалов. Выше уже указан случай возведения членов младшей дружины — детских — в боярский сан (возможно, были и другие подобные факты; ср. предание об отроке, победившем печенежского богатыря, за что Владимир Святославич «во великим мужемъ створи того и отца его»)⁴⁹. На то, что не только младшая, но и старшая дру-

⁴⁶ Примером этому могут служить знаменитые Мишаничи-Ощифоровичи XIII—XV вв., генеалогия которых изучена В. Л. Яниным (Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 150—181).

⁴⁷ За сурцев Н. И. Новгород, открытый археологам. М., 1967.

⁴⁸ Поддубина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976, с. 42—44.

⁴⁹ ПВЛ, т. I, с. 85.

жила в XI—XIII вв. были открытыми социальными группами, в которые входили представители разных народов Восточной Европы, указывают имена княжеских отроков и слуг (Георгий Угрии, Бяндюк, Кунуш, Улад, Албал Делн), а также бояр и княжих мужей (Чудин, Туки, Кузьмей, Торчин, Шваря, Василий Половчши, Олбярь Шершенич и другие), причем некоторые из них жили на Руси во втором поколении (Иванко Захарыч Козарин, Матвей Шибутонич, Юрий Толитишенич). В одном случае известен отец Оследюк, посадник в Пронске, и его сын Петр Оследюкович, посвода во Владимире.⁶⁰ Основой высокого положения этих людей была служба князю, но включение иноязычной знати в состав русских феодалов имело и социально-экономические причины: привлечение и аппарат государственного управления и получение части доходов от взимаемых дани.⁶¹

О том, что слой высшего служилого боярства был открытым еще в середине XIII в., свидетельствует рассказ Пятышевской летописи под 1240 г. о боярском заезде в Галицко-Волынском княжестве. По словам летописца, при князе Данииле Романовиче там «во княжилеся» Доброслав Судыч, «шюлов внук», и «грабнице всю землю». Доброслав Судыч отдал, вероятно, в кормаение разработки коломыевских солей (князь использовала доходы от них «на раздавание оружьникомъ») Лазарю Домажирчу и Ивору Молибожичу «от племени смердьа», т. е. потомкам смердов.⁶² Таким образом, деды указанных бояр еще в конце XII в. были смердами и поном, а внуки в 1240 г. стали сверниками Даниила Романовича в управлении княжеством. Однако установленные ныне генеалогии продолжают знатные по положению фамилии, причем нет данных о том, что они выходили из низших слоев феодалов, отроков, детских и др. или переходили к ним. Эти фамилии от нескольких десятилетий до полутора столетий занимали высшее положение в княжествах на службе одной княжеской ветви, разным княжеским семьям или безотносительно к княжеской службе. Естественно предположить, что фамилии бояр и княжих мужей продолжались значительно дольше, до и после подъема на высшие государственные должности. Отсюда можно заключить (установить указанные генеалогии позволило лишь особи высокое положение нескольких поколений их представителей) длительность существования фамилий бояр и княжих мужей. Основой высокого общественного положения боярства была не многость князей, а социально-экономическая система, владение землей, дворами, феодально-зависимыми людьми, поэтому князья меня-

⁶⁰ Погодин М. В. Исследования... с. 124—125.

⁶¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 93.

⁶² ПСРЛ, т. II, табл. 789—790. — На чтение «Доброслав Судыч», а не «Доброслав и Судыч», как в летописи, указал С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, с. 335).

лись, а боярство, в том числе наиболее знатное, приближенное к князьям мужи, осталось в прежнем общественном положении на протяжении длительного времени. Экономическая и социальная стабильность боярства была причиной его относительной самостоятельности по отношению к князьям и княжеской службе.

Генеалогии знатных фамилий бояр и князей мужей свидетельствуют о том, что длительная служба князю или нескольким поколениям князей могла проходить в разных условиях: 1) в одном княжестве и одному княжескому дому или представителям различных и даже враждебных княжеских семей; 2) одной княжеской ветвью, пересажая с ней в различные княжества, возвращаясь в прежние владения, где могли оставаться родственники, или навсегда уезжая из них; 3) с отъездом и чужие княжества.

Система феодальной земельной собственности, налогов, многообразие форм экономической и личной зависимости материально обеспечивали существование всех видов службы феодалов князьям.

В IX—X вв. на Руси сложилась развитая система налогообложения свободного сельского и городского населения, которая состояла из «уроков» — погодной фиксированной денежной дани от городов, оброков, о конкретной форме которых для этого времени нет сведений, «дани» — сбора мехами-денегами от дома-жилица и серебром или мехами-денегами от плуга, «дара» — натурального налога, который взимался, вероятно, по времени полюдья.⁶² Наряду с этими налогами в XI—XII вв. начали вводиться новые: «почестья»,⁶³ корм,⁶⁴ «светинная дань» — пошлина с купцов, «торговое» — пошлина за право торговли, «сыте» — пошлина за право провоза товара, «корчмы» — пошлины с корчмы, постоялого и питейного двора, «перевоз» — пошлина за перевоз товаров и людей через водную преграду.⁶⁵

Источником княжеского дохода и формой эксплуатации было взимание доходов от суда — вир и продаж. Как заявили «мужи смысленые» Святополку Изяславичу (в Повести временных лет под 1093 г.): «Наша земля оскудела сеть от рати и от продаж». ⁶⁷ В этих словах выражался упрек неправым княжеским судам, стремившимся больше изъяснить штрафов. Возможно, в употребленном слове «продажи» скрывается тенденция к замене натурального налога — «дани» — словом «продажи» как осуждение поборов с населения (И. И. Срезневский интерпретировал употреб-

⁶² См. подробнее: С и е р д я о в М. В. Из истории системы налогообложения в Древней Руси. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 144—150.

⁶³ Памятники русского права (далее — ПРП), вып. II, М., 1953, с. 44.

⁶⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 117; ПРП, вып. II, с. 29; ст. 42 Краткой редакции Русской Правды; ст. 74, 96 Пространной редакции Русской Правды.

⁶⁵ ПРП, вып. II, с. 40.

⁶⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 143.

ление «продажи» в приведенном высказывании как обозначение «аналога», «побора»⁵⁸). Об этом свидетельствует и глагол «спродати» — «обложить налогом»: княжеский князь Ярослав в 1175 г. «спродати весь Киев, и игумены, и поны, и черница».⁵⁹ В том же году в Ростовской земле посаженные на посадничество «русские» детские «многу тиготу. . . створиша продажами и пирами»,⁶⁰ а почти столетием раньше (под 1093 г.) сообщалось, что тигуны Всеволода Ярославича начали «грабити люди и продавати».⁶¹

Система налогов, вир и продаж обеспечивала накопление огромных богатств в княжеской казне, о чем свидетельствуют как иностранные, так и русские источники.⁶² Однако накопление этих богатств не было самоцелью. Значительная их часть тратилась на княжескую дружину. Уже в предании о Владимире Свято-славиче в афористичной форме была сформулирована мысль о необходимости для князя тратить на дружину золото и серебро: «Сребромъ и златом не имамъ навести дружину, а дружиною наведу сребро и злато, яко же дедъ мой и отецъ мой доискася дружиною злати и сребра».⁶³ Щедрость князя к дружине, раздача ей золота и серебра была обязательной, если тот хотел добиться успеха и преданности дружины. Эта тема стала даже литературным штампом в посмертном похвалении князей: «. . . любиле дружину во велику, имения не щадиле, ни пшты, ни едениа брашине» (под 1036 г. о Мстиславе Владимировиче); «имение дружину и имения не щадиле, не сбираше злати и сребра, но даваше дружине» (под 1172 г. о Святославе Ростиславиче); «злати и сребра не сбирати, но давати дружине» (под 1197 г. о Данииле Ростиславиче).⁶⁴ На раздачу гридям у Ярослава в Новгородѣ уходила тысяча гривен.⁶⁵ Летописец позднее с печалью вспоминал о временах, когда «князи не збираху многа имения, ни творимыхъ вирь, ни продажъ иъскладаху люди. . . А дружина его кормяхуся, новояще ныа страны и быющеся. . .», а жены дружинников ходили в серебряных гринах, и не в золотых.⁶⁶

Эксплуатация свободных непосредственных производителей в пределах всего княжества путем налогов, вир и продаж была экономической основой существования иерархической системы государственного управления, возглавляемой князем, и которой

⁵⁸ С р о з н о в с к и й Н. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895, столб. 1321.

⁵⁹ ПСРЛ, т. II, столб. 579.

⁶⁰ Там же, столб. 598.

⁶¹ ПВЛ, ч. I, с. 142; ПСРЛ, т. II, столб. 208.

⁶² Thietmari chronicon, VIII, 32; ПВЛ, ч. I, с. 122, 131; ПСРЛ, т. II, столб. 243, 249, 338, 339, 450, 504, 592, 914; С в е р д л о в М. В. О посольской яремѣ и рассказе Повести временных лет под 1075 г. — ТОДРЛ, т. XXII, 1968.

⁶³ ПВЛ, ч. I, с. 86, см. также с. 131.

⁶⁴ ПВЛ, ч. I, с. 101; ПСРЛ, т. II, столб. 55, 703.

⁶⁵ ПВЛ, ч. I, с. 88—89.

⁶⁶ ПВЛ, с. 104.

аппарат княжеского двора был персонально тесно связан с дружиной, а дружина и княжеские слуги — с аппаратом государственного управления, поэтому при смене князей или княжеских семей в управлении проходили лишь персональные назначения. Например, в . . . и перья [Олег Святославич] всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городам, и дани поча братья.⁶⁷ Князья также ревностно следили за сбором дани, особенно в спорных землях,⁶⁸ обеспечивая поступление налогов.

Таким образом, при переезде князей, их бояр, мужей и младшей дружины на одного княжества и другое или при отъезде членов старшей и младшей дружины их место в системе общественного производства и государственного управления не менялось. Но и при переездах с князем бояре и мужи строили свои дворы, которые были центрами феодальной эксплуатации зависимого населения.

Знатные фамилии бояр и княжеских мужей были связаны не только с княжеской службой. Большая их часть принадлежала к местному боярству или была тесно связана с ним. В. Д. Греков указывает известия о местных боярах в Киеве, Новгороде и Курьке и начале XI—первой половине XII в.⁶⁹ В начале XI в. упоминаются «боярыще» новгородские.⁷⁰ В связи с развитием летописания и других княжеских центрах во второй половине XII в. упоминаются бояре и их села в Ростове и Суздале,⁷¹ бояре — в Смоленске,⁷² под 1208 г. указано 500 убитых Игоревичами галицких бояр, под 1240 г. — черниговские бояре.⁷³ Для местного боярства характерно владение дворами и селами, в этом отношении социально-экономическое положение знатных бояр и мужей было аналогично положению боярства в целом. Поэтому и обращение Изяслава Мстиславича к дружинне служилым и местным бояре, члены младшей дружины называются вместе как владельцы сел: «Вы есте по мне из Рускы земли шавши своихъ селъ и своихъ жилищи лишивей. . .».⁷⁴

Как можно заключить из указанных генеалогий, те знатные фамилии, которые долго служили одной княжеской семье и преждем одного княжества или переходили на службу к новым сюзеренам тех же земель, сохраняли свои владения, села и дворы (возможно, в случае отъезда владения сохранилось за оставшимися

⁶⁷ См. также об назначении посадников на городов и междукняжеской борьбе за власть (ИВЛ, ч. 1, с. 168—169, 180 и др.).

⁶⁸ ИВЛ, с. 28, 33; ПСРЛ, т. II, стлб. 228 и др.

⁶⁹ Греков В. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 127—128.

⁷⁰ ИВЛ, ч. 1, с. 90.

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 378, 380, 382 и сл.

⁷² ПСРЛ, т. II, стлб. 702.

⁷³ Там же, стлб. 723—724, 780.

⁷⁴ Там же, стлб. 409. — См. подробнее: Рипов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974.

членами семьи). В политических конфликтах они вместе с местным боярством пытались оказывать влияние на князей или на вокняжение опрощенных княжеских семей. Так что социально-экономическое и политическое положение знати и местного боярства было по своей сущности одинаковым, хотя объем общественных прав различен. Эти различия нашли выражение в различных штрафах за нарушение чести жен и дочерей «великих» и «мелких» бояр в церковном уставе Ярослава Мудрого, составленном, по мнению Я. П. Щадова, в 1051—1053 гг.,⁷⁶ где под «великими» боярами понимались, вероятно, знатные, приближенные к князьям, а под «мелкими» — местные бояре.⁷⁷

Итак, источники позволяют установить ряд генеалогий знатных фамилий бояр и княжих мужей в Древней Руси. Они относятся в основном к княжеским приближенным или, как в Новгороде, к знатым боярским семьям, участвовавшим в управлении княжеством и качестве посадников. Для XI в. генеалогии знатных семей и несколько поколений устанавливаются только в Киеве. В других центрах — не более двух. Но в XII—XIII вв. генеалогии бояр и княжих мужей в несколько поколений прослеживаются и в других центрах княжений. Объясняется это явление, по нашему мнению, не отсутствием местных боярских фамилий, в том числе и знатных, а отсутствием в этих центрах развитой летописной традиции, сообщающей сведения не только о князьях, но достаточно широко и о боярах. Все же в разных частях Руси генеалогические связи знатных фамилий прослеживаются на протяжении 3—6 поколений (от 30—40 лет до полутора столетий). Они позволяют установить формы княжеской службы знатных семей и в то же время их тесные связи с местным боярством. При этом и служба в одном княжестве, и смены княжений вместе с сюзереном или при отъезде не меняли социально-экономического статуса знати, как и других слоев феодалов, материальной основой которого была феодальная эксплуатация непосредственных производителей как в системе всего феодального государства, так и в доменальных владениях, селах и дворах.

⁷⁶ Щадов Я. П. Княжеские уставы и церкви в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 203—205.

⁷⁷ См. также: Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 127—128.